

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2025-2-143-153

В ПОИСКАХ АКТОРНОСТИ? ДИНАМИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ РОЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИЯХ С КИТАЕМ

С. А. Шеин, Е. Н. Рыжкин

Шеин Сергей Александрович, кандидат политических наук, доцент Департамента зарубежного регионоведения, старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: sshein@hse.ru (ORCID: 0000-0001-9749-9116. ResearcherID: T-1386-2018).

Рыжкин Егор Николаевич, стажер-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
E-mail: erylzhkin@hse.ru (ORCID: 0009-0008-3347-3337. ResearcherID: JRX-2401-2023).

Аннотация

В ответ на трансформацию международной среды Европейский союз стремится усилить свою акторность через переосмысление своих международных ролей в рамках «Стратегического партнерства» с Китаем. Цель статьи заключается в анализе динамики и иерархии ролей Европейского союза в отношениях с Китайской Народной Республикой как попытки укрепить субъектность интеграционного объединения. В качестве аналитического инструмента в статье используется теория ролей, с помощью которой изучаются материалы саммитов Европейского союза / Китайской Народной Республики за 2003–2024 гг.: совместные декларации Европейского союза и Китайской Народной Республики, заявления руководства Евросоюза. Научная новизна исследования заключается в анализе проблематики акторности ЕС в контексте украинского кризиса с точки зрения переосмысления его взаимодействия с третьими странами. Авторы статьи приходят к выводу, что традиционно для трансляции собственного лидерства в двусторонних отношениях Брюссель применял в своем взаимодействии с Пекином три основные роли (и их комбинации): «нормативную силу», «рыночную силу» и роль «актора в сфере безопасности». В ответ на меняющиеся параметры двусторонних отношений Евросоюз выстраивал конкретные иерархии указанных ролей для сохранения влияния в отношении Китая, однако геополитическая динамика и курс на «стратегическую автономию» нарушили указанную логику. Европейский союз в отношениях с Пекином выводит на первый план роль «актора в сфере безопасности», корректируя ее содержание и направление. Она предполагает одновременно продолжение вовлечения Китая в решение глобальных и региональных проблем, в первую очередь – давления на Россию в ходе продолжающегося украинского конфликта; сигнализирование Пекину относительно корректировки его внешнеполитических действий в АТР и попытку обеспечения собственной экономической безопасности ЕС в отношениях с Китаем. Это работает на дальнейшую политизацию отношений и закрывает возможности многоуровневого диалога, которые предоставляла рамка «Стратегического партнерства».

Ключевые слова: Европейский союз; Китайская Народная Республика, акторность; теория ролей; нормативная сила; рыночная сила; безопасность, международные отношения.

Введение

Американо-китайское противостояние, пандемия коронавируса и эскалация российско-украинского конфликта с 2022 г. стимулировали эволюцию политического дискурса официальных лиц Европейского союза – от ценностной риторики к продвижению тезиса о «стратегическом суверенитете» (Романова, 2021, 2024; Коцур, 2023) и актуализации концепции «стратегической автономии». Эта трансформация наглядно проявилась в принятии «Стратегического компаса» в марте 2022 г.

и заявлении Урсулы фон дер Ляйен о строительстве «Оборонного союза» в начале второго срока работы ее Комиссии¹.

Понимая международные отношения как процесс социальных взаимодействий, Европейский союз в ответ на геополитические изменения переосмысляет представление о себе как о значимом международном игроке. При этом ключевой ареной указанного процесса выступает не взаимодействие Евросоюза с Россией (где произошел разрыв политического диалога) и не отношения с США (которые определяются военно-политической зависимостью европейских стран), а «Стратегическое партнерство» с Китаем. Взаимоотношения Евросоюза и Китайской Народной Республики имеют особый формат, который позволяет обеим сторонам реализовать свои международные роли в рамках заданной дихотомии «партнер – соперник» (Michalski & Pan, 2016: 612) и тем самым подчеркивает амбивалентный и многоуровневый характер взаимоотношений. С учетом того, что с 2021 г. маятник стратегии Брюсселя в отношении Пекина «завис» на стороне политизации взаимодействия, в том числе и по вопросам торгово-экономического сотрудничества (Кашин и др., 2022: 7), отношения с Китаем как значимым Другим становятся ареной, где ЕС пытается «примерять» на себя новые международные роли для укрепления собственной акторности в меняющейся международной среде.

Данное исследование ставит целью анализ содержания и динамики ролей ЕС в отношениях с КНР на современном этапе как попытки интеграционного объединения укрепить собственную акторность. Опираясь на теорию ролей как аналитический инструмент, подчеркивающий связь ролевых ориентаций / ролевых ожиданий международных акторов и их внешнеполитического поведения, мы исследуем материалы саммитов ЕС и КНР за 2003–2024 гг.², которые включают как совместные декларации, так и комментарии и заявления руководства ЕС. Предполагаемые результаты должны внести вклад в исследование проблематики перспектив Евросоюза как международного актора, особенностей и ограничений процесса переосмысления Европейским союзом устоявшихся подходов и практик взаимодействия с третьими странами.

Статья состоит из двух частей. В первой части будут рассмотрены возможности применения теории ролей в исследованиях акторности Евросоюза. Во второй части проводится анализ содержания и динамики международных ролей Европейского союза, формулируемых и транслируемых в отношении Китая.

Акторность Европейского союза и теория ролей

Учитывая поливариантный характер трактовки термина «акторность» (Drieskens, 2017), мы понимаем его шире, чем его классическое определение как «способности вести себя активно и сознательно по отношению к другим акторам международной системы» (Sjöstedt, 1977: 16). Для нас в первую очередь является важным, что актор мировой политики – это рефлексизирующий свою политическую роль субъект, активно и существенно влияющий на мировые политические процессы и тренды мирополитического развития (Лебедева, 2013: 38-39). Более того, мы опираемся на тезис о том, что возможность Евросоюза «влиять на процессы и тренды», как правило, по-разному проявляется в конкретном международном контексте, будь то реализация «политики соседства» (Hoffmann, Niemann, 2017) или энергетической политики (Batzella, 2022), роль в арабо-израильском урегулировании (Altunışık, 2008; Persson, 2018) или в украинском кризисе (Gehring et al., 2017; Кавешников, 2022; Costa & Barbé, 2023).

Ограничения акторности Евросоюза как «неопознанного политического объекта» (словами Ж. Делора) хорошо освещены в академической литературе и, как правило, наглядно проявляются при сравнении с поведением и возможностями национальных государств на международной арене. Среди указанных ограничений – отсутствие ощутимых возможностей для применения военной силы по сравнению с национальными государствами (Gehring et al., 2017); институциональные, процедурные особенности принятия внешнеполитических решений (Thym, 2004) и их эффективность (Dryburgh, 2008); гетерогенность внешнеполитических ориентаций внутри ЕС (Rieker & Giske, 2024), в особенности между «старой» и «новой» Европой.

¹ Statement at the European Parliament Plenary by President Ursula von der Leyen, candidate for a second mandate 2024-2029 (2024) [online], *European Commission*, 18 July. Available at: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/news/statement-european-parliament-plenary-president-ursula-von-der-leyen-candidate-second-mandate-2024-2024-07-18_en (Accessed: 17 September 2024).

² Несмотря на то, что двусторонние саммиты стали проводиться с 1998 г., в качестве отправной точки в статье будет выступать 2003 г. как год заключения «Стратегического партнерства» ЕС-КНР.

Ограниченный характер возможностей для осуществления внешнеполитических действий, как и самого их ассортимента, обеспечивает в академической дискуссии особый акцент на институциональных параметрах акторности Брюсселя. В свою очередь, понимание акторности ЕС как процесса социальных взаимодействий изучено в непропорционально меньшей степени, хотя теория ролей и получала развитие в исследованиях внешней политики Европейского союза (Michalski & Pan, 2016; Aggestam & Johansson, 2017; Klose, 2018), в частности при анализе соответствия ролевых ориентаций Брюсселя и ролевых ожиданий его международных партнеров (Bengtsson & Elgström, 2012) и изучении палитры международных ролей ЕС (Elgström & Smith, 2006).

Включение такого инструментария социальной психологии, как теория ролей, в конструктивистскую парадигму науки о международных отношениях сопровождалось тезисом о том, что внешнеполитическое поведение государств может опираться на так называемые концепции ролей, которые продвигают национальные политики, исходя из их понимания «ориентаций или задач своей страны в международной системе» (Holsti, 1970: 245). Теория ролей в самом общем смысле полагает, что при анализе внешней политики необходимо учитывать ролевые концепции национальных элит, которые влияют на восприятие ими своего места в мировой иерархии; соответствие «разыгрываемых» ролей ожиданиям других международных игроков и детальную реализацию роли, то есть конкретное наполнение внешней политики в определенном контексте как причины успеха или неуспеха «розыгрыша» международной роли (Gurol & Starkman, 2020). В этой связи наибольший интерес представляют ситуации конфликта ролей (как между акторами внутри национального государства, так и между международными игроками), что зачастую может объяснить непоследовательность, непредсказуемость и иррациональность во внешнеполитическом поведении международного актора.

Однако применительно к Евросоюзу теория ролей позволяет «подсветить» ряд аспектов его акторности, а именно концепции ролей, которые транслируют различные игроки внутри ЕС, а также их конкретное выражение на уровне дискурса Европейского союза. Указанные аспекты, как правило, не принимаются во внимание при использовании институционального или структурного подхода в исследовании акторности ЕС.

Во-первых, понимая акторность как «способность субъекта переосмысливать и реализовывать роли для своего “я” в различных международных контекстах» (McCourt, 2014: 37–38), теория ролей позволяет объяснить контекстуальность и «гибкость» ролей Европейского союза в отношении различных акторов и, как следствие, различную степень акторности.

Во-вторых, теория ролей применительно к ЕС подчеркивает актуальность внутренней сплоченности объединения в качестве фактора международной акторности. Если Жюпель и Капосаро отмечали в институциональном ключе, скорее, внутреннюю согласованность (Jupille & Capogaso, 1998) как важный аспект акторности, то в контексте теории ролей способность ЕС генерировать последовательные ролевые концепции на мировой арене зависит от сближения внутренних ролевых ожиданий. В рамках указанной логики теория ролей подчеркивает тезис о том, что власть и автономия институтов Евросоюза имеют значение для его акторности (Klose, 2018), что подразумевает возможность социализации и обучения международным ролям, которые транслируют вовне институты ЕС и внутренние игроки. Это может пролить свет на ситуацию со существованием противоречивых, несвязанных, оспариваемых внутри интеграционного объединения ролей, но активно транслируемых Европейской комиссией и Верховным представителем по иностранным делам и политике безопасности ЕС на мировой арене.

Говоря об арсенале международных ролей ЕС и учитывая их контекстуальный характер, академическая дискуссия, как правило, ограничивается тремя «зонтичными» ролями: **«нормативная сила»**, **«рыночная сила»** и **«актор в сфере безопасности»**. Все три роли являются производными от лидерских амбиций ЕС, его уникальной природы и места в мировой экономике и либеральном международном порядке как ресурса для наращивания акторности интеграционного объединения.

«Нормативная сила Европы» подразумевает способность Евросоюза транслировать вовне нормы, на которых основывается евроинтеграционный проект, и тем самым определять понятие «нормального» в мировой политике (Manners, 2002: 252). Такие нормы, как мир, свобода, демократия, верховенство закона и уважение прав человека (Manners, 2002: 242–243), содержательно и символически «прививаются» контрагенту, определяя его внешнеполитическое поведение. При этом, как указывают политологи Т. Романова и Е. Павлова, «нормативная сила» не равна понятию «мягкая сила» из-за инструментальной природы последней (2013).

В свою очередь, концепция **«рыночной силы»** предполагает, что, хотя идентичность Евросоюза может иметь нормативные основы, ЕС представляет собой объемный единый рынок со своими

институциональными характеристиками и конкурирующими группами интересов³. Исходя из этого, интеграционное объединение, выстраивая диалог с контрагентами, стремится экстернализовать собственную экономическую и социальную политику (Damro, 2012: 698). Под экстернализацией в данном случае подразумевается, что институты ЕС пытаются заставить других субъектов придерживаться уровня регулирования, аналогичного действующему на едином европейском рынке, или вести себя таким образом, чтобы в целом удовлетворять или соответствовать рыночной политике и мерам регулирования ЕС (Damro, 2012: 690).

Осуществление указанной роли оказывается возможным благодаря мерам принуждения и убеждения, представленным в форме международно-правовых инструментов и внутренних регулятивных мер (Damro & Friedman, 2018: 1398). Как следствие, Европейский союз в международной среде может использовать свою «рыночную силу» либо со знаком «плюс» (притяжение контрагента за счет возможностей внутреннего рынка ЕС), либо со знаком «минус» (регуляторная и санкционная политика, использование собственного ресурса в международных организациях) для достижения внешнеполитических целей.

Среди исследователей нет единого подхода к изучению соотношения между «рыночной силой» и «нормативной силой» как ролей, которые ЕС транслирует на мировой арене. Так, Дамро и Фридман противопоставляют данные явления, указывая, что формирование европейской идентичности с точки зрения второго подхода обусловлено лишь идеологией и нематериальными факторами, в то время как значение материальных и рыночных аспектов преуменьшается (Damro & Friedman, 2018: 1397), хотя есть и альтернативная точка зрения, что продвижение рыночных принципов можно считать частью нормативной повестки (Parker & Rosamond, 2013: 239).

Наконец, роль *«актора в сфере безопасности»* видится наименее концептуально проработанной в случае ЕС, исходя из его институциональных характеристик и сложностей, возникающих при разработке скоординированной и эффективной оборонной политики. Причиной выступает и высокая степень контекстуальности роли, обусловленная широким спектром задач глобальной и региональной безопасности. Вместе с тем вопросы обеспечения безопасности стран-членов и региональной стабильности, особенно в контексте периметра границ ЕС, безусловно, являются частью его внешнеполитической стратегии с 2000-х гг. В концепции ЕС роль «актора в сфере безопасности» не конкурирует с существующей архитектурой европейской безопасности и евро-атлантическими институтами, призванными ее обеспечивать.

Роль Евросоюза как «актора в сфере безопасности» имеет несколько характерных черт. Во-первых, ее кристаллизация связана с подготовкой расширения Европейского союза на восток и стабилизацией ситуации в Юго-Восточной Европе во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. Во-вторых, с учетом восприятия ЕС приоритетности угроз в мировой политике в 2000-е гг. ролевая концепция была сосредоточена на вопросах «мягкой безопасности»⁴, что предполагало акцент на предотвращении конфликтов и многосторонности, осуществлении гражданских миссий, посткризисном восстановлении, содействии реформам и т. д. (Biscop, 2005). Наконец, ввиду различного видения странами-атлантистами и странами-европеистами вопросов внешней политики объединения (в первую очередь вектора развития отношений ЕС с США и Россией) и сопряжения повестки НАТО и повестки ЕС, эта международная роль Евросоюза является наиболее оспариваемой как «снизу» странами-членами, так и партнерами и, как следствие, наиболее противоречивой. Ввиду этого роли, связанные с безопасностью, видятся менее развитыми и менее конкретными, чем «нормативная сила» и «рыночная сила».

В противоположность «нормативной силе» указанная роль предполагает разноплановые проактивные действия (в том числе миротворческие операции) для предотвращения и купирования угроз (в отличие от «силы примера» или «силы нормы») и ориентацию на многосторонние усилия⁵.

Три роли Европейского союза в отношениях с Китаем

Указанный арсенал ролей, универсальных для Европейского союза в различных международных контекстах, получил преломление и в рамках «Стратегического партнерства» с Китайской Народной Республикой, но со своей спецификой (таблица). Принимая во внимание, что у Европей-

³ В русле указанной логики используется и термин «торговая сила».

⁴ A Secure Europe in a Better World – European Security Strategy (2003) [Электронный ресурс], *Consilium*, 08 дек. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (accessed 11 July 2024).

⁵ Ibid.

ского союза и Китая есть разветвленная сеть площадок для взаимодействия, включая диалоги по правам человека и торгово-экономическим вопросам, постоянные консультации по безопасности, мы сфокусируемся на тех ролях, которые «разыгрываются» Евросоюзом в процессе двустороннего взаимодействия на саммитах ЕС-КНР.

В 1990-е годы Евросоюз стал важным партнером для Китая и агентом его социализации в постбиполярной международной системе (Yuan & Orbie, 2015), что подразумевало доминирование «*нормативной*» роли на данном этапе. В основе подхода ЕС была вера в «двойную либерализацию» – возможность использования либерализации экономики для политической либерализации коммунистического Китая (Rühlig, 2020). Нормативная социализация Пекина со стороны Брюсселя осуществлялась через «продолжение и повышение значимости диалога по правам человека в Китае», поддержку Китая в стремлении утвердиться в статусе рыночной экономики, попытку «обучить» его путем выработки общих позиций по международным и региональным вопросам на основе внешнеполитических ценностей ЕС и приобщить к многосторонним международным институтам, например Всемирной торговой организации⁶. Роль «силы рынка» также находила отражение в ходе работы двусторонних саммитов, например в отношении укрепления взаимного доступа к рынкам⁷.

Отдельно отметим, что роль Евросоюза как «актора в сфере безопасности» не реализовалась во взаимодействии с Китаем. Скорее, Европейский союз выступил «проводником мультилатерализма» в отношении Пекина. Это соответствовало задачам ЕС касательно социализации КНР в международной среде. Как отметил Верховный представитель по иностранным делам и политики безопасности, Европейский союз «тепло приветствовал становление Китая как мирового лидера и позитивного актора на мировой арене»⁸. Брюссель пытался сформировать из Китайской Народной Республики «позитивного актора» путем вовлечения в борьбу с такими общими вызовами «мягкой безопасности», как международный терроризм⁹, и выработки общих подходов к решению региональных конфликтов на Ближнем Востоке, Корейском полуострове, пространстве бывшей Югославии и т. д.¹⁰

Преимущественно нормативная роль ЕС в отношении КНР в этот период не означала ее рецепции Пекином в полном объеме. Так, провалом реализации нормативной роли стал отказ китайской стороны от проведения саммита ЕС-КНР в 2008 г. Поводом для чего послужила встреча президента Франции Н. Саркози с Далай-ламой для обсуждения «тибетской проблемы».

Динамика ролей Европейского союза в отношениях с Китайской Народной Республикой с 1998 по 2024 г.

Период	Доминирующая роль	Функционал доминирующей роли
1998–2009 гг.	Нормативная сила	Социализация Китая в международной системе
2010–2020 гг.	Рыночная сила	Ответ на изменившийся баланс сил внутри партнерства и экономический кризис
2021–2022 гг.	Нормативная сила	Попытка защитить ценности ЕС в условиях политизации отношений двух игроков
С 2022 г.	Актор в сфере безопасности	Переосмысление роли ЕС с точки зрения возможности обеспечить «стратегическую автономию»

Источник: составлено авторами.

⁶ Sixth CHINA – EU SUMMIT – Joint Press Statement. (2003) [online], *Consilium*. 30 October. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/77802.pdf (Accessed: 11 July 2024); Joint Statement of the 7th China-EU Summit. 2004 (2004), [online], *Mission of the People's Republic of China to the European Union*, 08 December. Available at: https://eu.china-mission.gov.cn/eng/zywj/zywd/201501/t20150116_8301517.htm (Accessed: 11 July 2024); Joint Statement of the 8th EU-China Summit (2005) [online], *European Commission*, 05 September. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_05_1091 (Accessed: 11 July 2024).

⁷ Joint Statement of the 9th EU-China Summit (2006) [online], *Council of The European Union*, 09 September, P. 7. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/90951.pdf (Accessed: 10 April 2025).

⁸ Speech by JAVIER SOLANA EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy – DRIVING FORWARDS THE CHINA-EU STRATEGIC PARTNERSHIP (2005) [online], *China Europe International Business School Shanghai*, 6 September 2005. Available at: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/discours/86125.pdf (Accessed: 15 April 2025).

⁹ Ibid.

¹⁰ Joint Statement of the 10th China-EU Summit (2007) [online], *Southern African Regional Poverty Network (SARPN)*, 28 November. Available at: https://sarpn.org/documents/d0002937/China-EU_Summit_statement_28Nov2007.pdf (Accessed: 11 July 2024).

С 2010-х годов Евросоюз значительно снижает градус трансляции нормативности в отношениях с Китаем – это связано с пошатнувшимися позициями после кризиса еврозоны. Как результат, снизились и ожидания от Китая в отношении принятия либеральных норм, а также самой способности Брюсселя влиять на данный процесс. Как полагает политолог Маттлин, ЕС ставил свои экономические интересы выше ценностей, что вступило в противоречие с трансляцией «нормативности» (2012: 184). Так, Европейский союз приветствовал «активизацию консультаций и сотрудничества по вопросам стабильности еврозоны»¹¹.

С учетом логики выстраивания акторности ЕС в рамках «Стратегического партнерства» на первый план в иерархии ролей вывел роль *«рыночной силы»*, которая заключалась в стремлении Евросоюза выстроить экономические отношения с Пекином на основе одновременной либерализации доступа к китайскому рынку и защиты своего внутреннего рынка. Брюссель подчеркивал ориентацию на «прагматичное сотрудничество в экономике, торговле» и «активизацию усилий по увеличению эффективного доступа к рынкам», координацию макроэкономической политики в рамках «Большой двадцатки», МВФ и Всемирного банка¹². В 2012 г. стороны берут курс на разработку и заключение Всеобъемлющего инвестиционного соглашения, которое должно было установить общие «правила игры», интенсифицировать инвестиционные потоки и защитить интересы европейских инвесторов в Китае. На этом этапе «нормативность» Европейского союза в отношении Китая редуцируется до продолжения диалога по правам человека, но полностью не исчезает из двусторонних отношений.

Внешняя политика ЕС в отношении Китая с середины 2010-х гг. демонстрирует увеличение мер коллективной секьюритизации. Они были направлены на широкий спектр вопросов: архитектуру региональной безопасности в АТР, структуру экономической безопасности, вопросы передачи технологий Китаю, кибербезопасность и т. д. (Chen & Gao, 2022). Так, например, причиной непринятия декларации на очередном двустороннем саммите в 2016 г. стало заявление Европейского союза о поддержке Филиппин в конфликте в Южно-Китайском море¹³.

Одной из причин роста озабоченности в отношении Поднебесной становится не только растущая взаимозависимость двух игроков, но и нарастающие американо-китайские противоречия, а также реакция европейских элит на создание в 2012 г. платформы «16+1» с точки зрения возросшего влияния Пекина на страны Центральной и Восточной Европы (далее – ЦВЕ).

Исходя из динамики ролей, важно отметить, что секьюритизация КНР в официальном дискурсе ЕС постепенно «проникает» во все роли Брюсселя в отношении Пекина. Следствием секьюритизации на фоне внешней и внутренней динамики (например, отклонение от норм и ценностей Евросоюза ряда стран-членов ЦВЕ) становится переход к активной защите ценностей в официальном дискурсе ЕС, что реанимирует его нормативную силу в отношении КНР и выводит ее на первый план. Это было зафиксировано в «Стратегическом обзоре» 2019 г., рассматривающем КНР как «партнера, конкурента и соперника». С 2021 г. политизация ценностных вопросов и тематики прав человека в диалоге приводит к провалу ратификации Всеобъемлющего инвестиционного соглашения, а нормативность выходит на первый план в условиях «геополитического характера» нового состава Еврокомиссии.

Важно отметить, что с конца 2010-х гг. по причине роста конкурентности международной среды роль *«актора в сфере безопасности»* в наибольшей степени испытала на себе влияние продвижения концепции «стратегической автономии» и/или «стратегического суверенитета» (Арбатова, 2019; Романова, 2021), предполагающей в своем первоначальном варианте рост оборонных возможностей ЕС, в том числе в контексте осуществления военных операций и пр. Позже повестка «стратегической автономии» расширилась на три измерения: защиту Европейского союза от иностранной агрессии или влияния, обеспечение экономической основы в условиях более конкурентоспособной экономики и необходимости защитить окружающую среду, а также проецирование норм и ценностей в глобальном сотрудничестве (Helwig, 2023).

В ситуации манифестации «стратегической автономии» происходит и значительная коррекция содержания указанной роли и ее направленности. Если ранее ЕС в рамках указанной международной роли позиционировал себя как «нетрадиционного актора безопасности», выступающего в качестве антикризисного менеджера, медиатора и партнера для проведения реформ как фактора стрес-

¹¹ Beijing, 14 February 2012 Remarks by Herman Van Rompuy, President of the European Council, following the 14th EU-China Summit (2012) [online], 14 February. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/pres_12_49 (Accessed: 15 April 2025).

¹² Joint Statement of the 12th EU-China Summit (2009) [online], *European Commission*. 30 November. Available at: https://climate.ec.europa.eu/document/download/c6f63d42-e593-4170-9d26-6c70a3f0b1dc_en?filename=joint_statement_en.pdf (Accessed: 11 July 2024).

¹³ Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the Award rendered in the Arbitration between the Republic of the Philippines and the People's Republic of China (2016) [online], 15 July. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/07/15/south-china-sea-arbitration/> (Accessed: 15 April 2025).

соустойчивости и стабильности, то теперь ситуация изменилась. Показателен тезис Ж. Борреля в конце 2021 г., когда он заявил, что «Европа должна быть поставщиком безопасности, поскольку этого хотят европейские граждане» в ситуации «вепонизации всего комплекса существующей взаимозависимости»¹⁴. Вышесказанное говорит и о смещении акцентов на обеспечении безопасности – с глобальных и региональных проблем на сам Европейский союз и его возможность защитить себя.

После начала Россией специальной военной операции (далее – СВО) на Украине в феврале 2022 г. роль «актора в сфере безопасности» из вспомогательной стала доминирующей в иерархии ролей в отношении КНР. Указанная роль в условиях существующей взаимозависимости Евросоюза и Китая и запроса на стратегическую автономию подчеркивает необходимость ЕС обеспечить в первую очередь свою собственную безопасность, в том числе и в отношении Пекина.

Китай из международного игрока, которого нужно вовлечь в решение глобальных / региональных проблем и с которым нужно выстроить партнерские отношения в рамках многосторонних институтов, с точки зрения Европейского союза, превращается в фактор, повышающий риски безопасности для самого ЕС, международных партнеров и всего либерального мирового порядка. Так, Ж. Боррель в своем выступлении, хотя и сохраняет призывы к сотрудничеству с Китайской Народной Республикой по глобальным проблемам, указывает, что «будет крайне сложно, если не невозможно, установить доверительные отношения с Китаем, в случае отсутствия его вклада в политическое решение вопроса ухода России с украинской территории» (Borrell, 2024: 336).

Безусловно, речь не идет о сдерживании Китая со стороны ЕС в вопросах «жесткой безопасности» и / или синхронизации подходов с США в отношении Пекина. Однако европейская сторона действительно осуществляет сигнализацию Китаю относительно его внешнеполитических действий.

Одной из главных тем двусторонних отношений, где ЕС разыгрывает роль «актора в сфере безопасности», представляется украинский кризис. Вышесказанное наглядно проявилось во время саммита 2022 г., когда Евросоюз заявил, что позиция Китая в отношении конфликта продолжает влиять на двусторонние отношения¹⁵, а сам саммит ЕС-Китай был охарактеризован как «саммит военного времени»¹⁶.

Второй темой выступает активность КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее – АТР). Воспринимая Китай на современном этапе как «очень активного глобального актора с растущими военными возможностями», Евросоюз акцентирует внимание в международном общении с Китаем на региональных проблемах безопасности в АТР, включая напряженность в Южно-Китайском море и ситуацию вокруг Тайваня¹⁷, сигнализируя Пекину о «недопустимости любых односторонних попыток изменить статус-кво силой или принуждением», но при этом подчеркивая и связь с собственной безопасностью: «На наш взгляд, есть только один Китай. Но не при любых условиях. И особенно не используя военную силу. Проблема заботит нас экономически, коммерчески и технологически» (Borrell, 2024: 340).

При этом важно, что роль «актора в сфере безопасности» «переплетается» и с другими ролями, подчеркивая важность экономического измерения безопасности. Концепция «снижения рисков», предложенная Европейской комиссией¹⁸ в качестве основы для более осторожного подхода к торговым отношениям с Китаем с акцентом на диверсификацию торговли (Helwig, 2023), подтверждает указанный тезис. При этом Комиссия продолжает попытки использовать потенциал единого рынка и важность Евросоюза как технологического поставщика, а также инвестиционные потребности Китая, чтобы расширить доступ к его рынку (Przychodniak, 2023).

Таким образом, реализация в качестве доминирующей роли «актора в области безопасности» является импульсом «извне» с целью выстроить акторность в рамках «стратегической автономии». Продвижение этой роли не является ответом на меняющиеся параметры двустороннего партнерства. Скорее, напротив, акторность Европейского союза снижается в рамках «Стратегического партнерства» (об этом говорит неспособность согласовать общую итоговую декларацию в 2022 и 2023 гг.).

¹⁴ Europe has to become a security provider, says EU's Borrell (2021) [online], *Euractiv*, 10 November. Available at: <https://www.euractiv.com/section/defence-and-security/interview/europe-has-to-become-a-security-provider-says-eus-borrell/> (Accessed: 07 May 2024).

¹⁵ EU-China Summit: Restoring peace and stability in Ukraine is a shared responsibility (2022) [online], *European Commission*, 01 April. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_2214 (Accessed: 11 July 2024).

¹⁶ Remarks by President Charles Michel after the EU-China summit via videoconference (2022) [online], 01 April. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/04/01/remarks-by-president-charles-michel-after-the-eu-china-summit-via-videoconference/> (Accessed: 15 April 2025).

¹⁷ A Strategic Compass for Security and Defence for a European Union that protects its citizens, values and interests and contributes to international peace and security (2022) [online], *EEAS*, 24 March. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (Accessed: 07 May 2024).

¹⁸ EU CHINA RELATIONS (2023), *EEAS*. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/EU-China_Factsheet_Dec2023_02.pdf (Accessed: 11 July 2024).

Выводы

В ответ на геополитические вызовы Европейский союз пытается переосмыслить себя как значимого международного актора в ограниченном тремя международными ролями (и их иерархией) пространстве. И хотя проведенный анализ подтверждает озвученный в академической литературе тезис, что отношения Европейского союза и Китая – это конкурентная ролевая игра (Michalski & Parker, 2016: 612), дисбаланс между сотрудничеством и конкуренцией все сильнее смещается в сторону последней. Роль «актора в сфере безопасности», которая, казалось бы, парадоксальна для Европейского союза, исходя из его внешнеполитической природы, не только эксплицитна, но и на современном этапе выходит на первый план в иерархии ролей в отношениях с Китайской Народной Республикой, подразумевая обеспечение безопасности для самого интеграционного объединения.

Исходя из теории ролей, можно предположить, что если до февраля 2022 г. Европейский союз в ответ на меняющиеся параметры двусторонних отношений с Китайской Народной Республикой выстраивал конкретные иерархии указанных ролей для сохранения своего влияния на Пекин, то курс на «стратегическую автономию» нарушил указанную логику. Теперь ЕС выбирает конкретную ролевую ориентацию («актор безопасности») для решения задач, связанных со строительством «стратегической автономии» на мировой арене без учета конкретного контекста двусторонних взаимоотношений. Это имеет обратный эффект, поскольку ведет к дальнейшей политизации диалога Брюсселя и Пекина и росту противоречий между двумя игроками, что снижает акторность Евросоюза в рамках двустороннего партнерства.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01238, <https://rscf.ru/project/23-78-01238/>

Список литературы / References

- Арбатова, Н. К. (2019) 'Стратегическая автономия Европейского союза: реальность или благое пожелание?', *Полис: Политические исследования*, 6, сс. 36–52, DOI: 10.17976/jpps/2019.06.04 [Arbatova, N. K. (2019) 'Strategic Autonomy of the European Union: Reality or Good Intention?' [Strategicheskaja avtonomija Evropejskogo sojuza: real'nost' ili blagoe pozhelanie?], *Polis. Political Studies*, 6, pp. 36–52. (In Russ.)]. EDN: WQTWUS]
- Кавешников, Н. Ю. (2022) 'Заявка Украины на вступление в ЕС как импульс для переформатирования политики расширения', *Современная Европа*, 6, сс. 18–34, DOI: 10.31857/S020170832206002X [Kaveshnikov, N. Yu. (2022) 'Ukraine's Membership Application as a Trigger for Transformation of the EU's Enlargement Policy' [Zajavka Ukrainy na vstuplenie v ES kak impul's dlja pereformatirovaniya politiki rasshirenija], *Contemporary Europe*, 6, pp. 18–34. (In Russ.)]. EDN: GOISFF]
- Кашин, В. Б., Шейн, С. А., Мельникова, Ю. Ю., Красикова, Л. В., Поташев, Н. А. (2022) Европейский союз и Китайская Народная Республика: (не) стратегическое партнёрство? [электронное издание]. Доступно: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EU-China-WorkingPaper65ru.pdf?ysclid=m2otrtpvpj617373095> (дата обращения: 17.09.2024) [Kashin, V. B., Shein, S. A., Melnikova, Yu. Yu., Krasikova, L. V., Potashev, N. A. (2022) European Union and People's Republic of China: (non-) strategic partnership? [Evropejskij sojuz i Kitajskaja Narodnaja Respublika: (ne) strategicheskoe partnjorstvo?] [online]. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-EU-China-WorkingPaper65ru.pdf?ysclid=m2otrtpvpj617373095> (Accessed: 17 September 2024)].
- Коцур, Г. В. (2023) 'Деконтекстация концептов «суверенитет» и «стратегический суверенитет» в официальных дискурсах России и Европейского союза', *Полис: Политические исследования*, 4, сс. 23–36, DOI: 10.17976/jpps/2023.04.03 [Kotsur, G. V. (2023) 'Decontestation of the concepts of sovereignty and strategic sovereignty in the official discourses of Russia and the EU (2016-2021)' [Dekontestacija konceptov "suverenitet" i "strategicheskij suverenitet" v oficial'nyh diskursah Rossii i Evropejskogo sojuza,

- 2016-2021 gg.], *Polis. Political Studies*, 4, pp. 23–36. (In Russ.)). EDN: BIZGDV
- Лебедева, М. М. (2013) 'Акторы современной мировой политики: тренды развития', *Вестник МГИМО-Университета*, 1, сс. 38–42, DOI: 10.24833/2071-8160-2013-1-28-38-42 [Lebedeva, M.M. (2013) 'Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development' [Aktory sovremennoj mirovoj politiki: trendy razvitiya], *MGIMO Review of International Relations*, 1, pp. 38–42. (In Russ.)].
- Романова, Т. А. (2021) 'Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия', *Современная Европа*, 5, сс. 32–44, DOI: 10.15211/soveurope.520213244 [Romanova, T. A. (2021) 'The EU's Discourse on Sovereignty: Content and Consequences' [Diskurs o suverenitete Evropejskogo sojuza: sodержanie i posledstvija], *Contemporary Europe*, 5, pp. 32–44. (In Russ.)]. EDN: VXAWOX
- Романова, Т. А. (2024) 'На разных языках 2.0', *Россия в глобальной политике*, 1, сс. 178–195, DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-178-195 [Romanova, T.A. (2024) 'In Different Languages 2.0' [Na raznyh jazykah 2.0], *Russia in Global Affairs*, 1, pp. 178–195. (In Russ.)]. EDN: QIATNJ
- Романова, Т. А., Павлова, Е. В. (2013) 'Россия и страны Евросоюза: партнёрство для модернизации', *Мировая экономика и международные отношения*, 8, сс. 54–61, DOI: 10.20542/0131-2227-2013-8-54-61 [Romanova, T. A., Pavlova, E. V. (2013) 'Russia and EU Countries: Partnership for Modernization' [Rossija i strany Evrosojuza: Partnerstvo dlja modernizacii], *World Economy and International Relations*, 8, pp. 54–61. (In Russ.)].
- Aggestam, L., Johansson, M. (2017) 'The leadership paradox in EU foreign policy', *Journal of common market studies*, 55 (6), pp. 1203–1220, DOI: 10.1111/jcms.12558.
- Altunışik, M. B. (2008) 'EU Foreign Policy and the Israeli–Palestinian Conflict: How much of an Actor?', *European Security*, 17 (1), pp. 105–121, DOI: 10.1080/09662830802503763.
- Batzella, F. (2022) 'Engaged but constrained. Assessing EU actorness in the case of Nord Stream 2', *Journal of European Integration*, 4 (6), pp. 821–835, DOI: 10.1080/07036337.2022.2043853. EDN: UODNOH
- Bengtsson, R., Elgström, O. (2012) 'Conflicting role conceptions? The European Union in global politics', *Foreign policy analysis*, 8 (1), pp. 93–108, DOI: 10.1111/j.1743-8594.2011.00157.x. EDN: USUYOD
- Biscop, S. (2005) The European Security Strategy and the Neighbourhood Policy: A New Starting Point for a Euro-Mediterranean Security Partnership? [online]. Available at: https://www.egmontinstitute.be/app/uploads/2014/01/EUSA_ESS_EMP_Biscop.htm (Accessed: 11 July 2024).
- Borrell, J. F. (2024). *Europe between Two Wars – EU Foreign Policy in 2023*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- Chen, X., Gao, X. (2022) 'Analysing the EU's collective securitisation moves towards China', *Asia Europe Journal*, 20 (2), pp. 195–216, DOI: 10.1080/07036337.2023.2183394. EDN: KNOYTV
- Costa, O., Barbé, E. (2023) 'A moving target. EU actorness and the Russian invasion of Ukraine', *Journal of European Integration*, 45 (3), pp. 431–446, DOI: 10.1007/s10308-021-00640-4. EDN: STZLIH
- Damro, C. (2012) 'Market power Europe', *Journal of European public policy*, 19 (5), pp. 682–699, DOI: 10.1080/13501763.2011.646779.
- Damro, C., Friedman, Y. (2018) 'Market power Europe and the externalization of higher education', *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 56 (6), pp. 1394–1410, DOI: 10.1111/jcms.12749.
- Drieskens, E. (2017) 'Golden or gilded jubilee? A research agenda for actorness', *Journal of European Public Policy*, 24 (10), pp. 1534–1546, DOI: 10.1080/13501763.2016.1225784. EDN: YEAXVB
- Dryburgh, L. (2008) 'The EU as a Global Actor? EU Policy Towards Iran', *European Security*, 17 (2-3), pp. 253–271, DOI: 10.1080/09662830802481549.
- Elgström, O., Smith, M. (2006) *The European Union's roles in international politics*. London: Taylor & Francis Limited.
- Gehring, T., Urbanski, K., Oberthür, S. (2017) 'The European Union as an Inadvertent Great Power: EU Actorness and the Ukraine Crisis', *Journal of Common Market Studies*, 55 (4), pp. 727–743, DOI: 10.1111/jcms.12530. EDN: YDXOEP

- Gurol, J., Starkmann, A. (2020) 'New Partners for the Planet? The European Union and China in International Climate Governance from a Role-Theoretical Perspective', *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 59, pp. 518–534, DOI: 10.1111/jcms.13098. EDN: SBUMFY
- Helwig, N. (2023) 'EU Strategic Autonomy after the Russian Invasion of Ukraine: Europe's Capacity to Act in Times of War', *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 61 (S1), pp. 57–67, DOI: 10.1111/jcms.13527. EDN: TYHQJG
- Hoffmann, N., Niemann, A. (2017) 'EU actorness and the European Neighbourhood Policy' In: Schumacher, T., Marchetti, A., Demmelhuber T. (eds.) *The Routledge Handbook on the European Neighbourhood Policy*. UK: Routledge, pp. 28–38.
- Holsti, K. J. (1970) 'National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy', *International Studies Quarterly*, 14, pp. 233–309, DOI: 10.2307/3013584.
- Jupille, J., Caporaso, J.A. (1998) 'States, agency and rules: The European Union in global environmental politics' in: Rhodes, C. (ed.) *The European Union in the World Community*. Boulder, CO: Lynne Rienner, pp. 213–229.
- Klose, S. (2018) 'Theorizing the EU's actorness: Towards an interactionist role theory framework', *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 56 (5), pp. 1144–1160, DOI: 10.1111/jcms.12725.
- Manners, I. (2002) 'Normative power Europe: a contradiction in terms?', *Journal of common market studies*, 40 (2), pp. 235–258, DOI: 10.1111/1468-5965.00353.
- Mattlin, M. (2012) 'Dead on arrival: normative EU policy towards China', *Asia Europe Journal*, 10, pp. 181–198, DOI: 10.1007/s10308-012-0321-7. EDN: EOMWAJ
- McCourt, D. M. (2014) *Britain and World Power since 1945: Constructing a nation's role in international politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Michalski, A., Pan, Zh. (2016) 'Role Dynamics in a Structured Relationship: The EU–China Strategic Partnership', *Journal of Common Market Studies*, 55 (3), pp. 611–627, DOI: 10.1111/jcms.12505. EDN: TKZQEX
- Michalski, A., Parker, C. F. (2024) 'The EU's evolving leadership role in an age of geopolitics: Beyond normative and market power in the Indo-Pacific', *European Journal of International Security*, 9 (2), pp. 263–280, DOI: 10.1017/eis.2023.34.
- Parker, O., Rosamond, B. (2013) 'Normative power Europe' meets economic liberalism: Complicating cosmopolitanism inside/outside the EU', *Cooperation and Conflict*, 48 (2), pp. 229–246, DOI: 10.1177/0010836713485388.
- Persson, A. (2018) 'EU differentiation' as a case of 'Normative Power Europe'(NPE) in the Israeli-Palestinian conflict', *Journal of European Integration*, 40 (2), pp. 193–208, DOI: 10.1080/07036337.2017.1418867.
- Przychodniak, M. (2023) EU-China Summit Ends with Protocol of Divergences [online]. Available at: <https://www.pism.pl/publications/eu-china-summit-ends-with-protocol-of-divergences> (Accessed: 11.07.2024).
- Rieker, P., Giske, M. T. E. (2024) 'Actorness, Differentiated Integration, and EU(rope)'s Role in the World' in: Rieker, P., Giske, M. T. E. (eds.) *European Actorness in a Shifting Geopolitical Order*. Cham: Palgrave Macmillan, pp. 43–62.
- Rühlig, T. (2020) Towards a more principled European China Policy? Democracy, Human Rights and the Rule of Law in EU-China Relations [online]. Available at: <https://www.ifri.org/en/studies/towards-more-principled-european-china-policy> (Accessed: 11 July 2024).
- Sjöstedt, G. (1977) *The External Role of the European Community*. Westmead, Hampshire: Saxon House.
- Thym, D. (2004) 'Reforming Europe's Common Foreign and Security Policy', *European Law Journal*, 10 (1), pp. 5–22, DOI: 10.1111/j.1468-0386.2004.00200.x. EDN: EVDPGD
- Yuan, H., Orbie, J. (2015) 'The Social Dimension of the EU-China Relationship: A Normative and Pragmatic European Approach?', *European Foreign Affairs Review*, 20 (3), pp. 337–354, DOI: 10.54648/eerr2015031.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Статья принята к печати: 30.04.2025

INCREASING ACTORNESS? DYNAMICS OF THE EU'S INTERNATIONAL ROLES IN RELATIONS WITH THE PRC

S. Shein, E. Ryzhkin

Sergey Shein, PhD in politics, Associate Professor, School of International Regional Studies; Senior Research Fellow, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), National Research University "Higher School of Economics"; Moscow, Russia.
E-mail: sshein@hse.ru (ORCID: 0000-0001-9749-9116, ResearcherID: T-1386-2018).

Egor Ryzhkin, Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), National Research University "Higher School of Economics"; Moscow, Russia.
E-mail: eryzhkin@hse.ru (ORCID: 0009-0008-3347-3337, ResearcherID: JRX-2401-2023).

Abstract

Responding to the changing international environment, the European Union seeks to strengthen its actor-ness by rethinking its international roles within the framework of the Strategic Partnership with China. The article aims to analyze the dynamics and hierarchy of EU roles in relation to China as an effort to enhance the actor-ness of the integration association. Role theory is used as an analytical tool to study materials from EU–PRC summits (2003–2024): joint declarations and EU leadership statements. The novelty of the study lies in examining the EU's actor-ness and its engagement with third countries through a new theoretical perspective, using China as a case. Traditionally, to assert leadership in bilateral relations with China, Brussels has applied three main roles – "normative power," "market power," and "security actor." To maintain influence, the EU constructed hierarchies among these roles, but geopolitical changes and the move toward Strategic Autonomy disrupted this logic. The EU now foregrounds the role of "security actor" in relations with Beijing, adjusting its content and direction. This includes continued engagement on global issues, pressure on Russia, signaling China on Asia-Pacific policy, and ensuring EU economic security. These moves further politicize relations and reduce opportunities for multi-level dialogue within the Strategic Partnership framework.

Keywords: European Union; PRC, actor-ness; role theory; normative power; market power; security, international relations.

Financial support: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-78-01238, <https://rscf.ru/project/23-78-01238/>